

Валерий КОПНИНОВ

УБРАТЬ ВСЕ ЛИШНЕЕ...

Штрихи к портрету художника Валентина Шипило

Живопись — это поэзия,
которую видят,
а поэзия — это живопись,
которую слышат.

Леонардо да Винчи

Взять и рассказать формально о художнике Валентине Ивановиче Шипило практически невозможно. Он и сам не из тех, кто стремится к форме в ущерб содержанию. Скорее наоборот. Не такие и его картины — они живут авторским восприятием жизни, они дышат, нужно только внимательно посмотреть на них, и вскоре вы тоже начинаете погружаться в эту жизнь и дышать с ними в такт. Собственно говоря, из человеческой сущности Валентина Ивановича, из его душевных качеств творчество и произрастает, равно как и художественная реализация. А человек он светлый, оттого наполнены светом миры Валентина Шипило — и малый мир мастерской, с отмеренными для работы квадратными метрами, и большой мир, что для художника тоже является мастерской, но без конца и края.

Светлы и его картины, даже если на холсте осень, как в пейзаже «Тучи», и треть пространства занимает перекопанный после уборки картошки огород, лоснящийся мокрым черноземом, а на две трети раскинулось небо, готовое то ли пролиться холодным дождем, то ли сыпануть снегом. И в такой картине сохранен внутренний свет, а носители его — люди, несмотря на то, что в композиции людей нет, но их присутствие (и понимание — какие они, пусть эти люди всего лишь заявлены художником и в какой-то степени домыслены зрителем) чувствуется и в прибранной с огорода ботве, и в перекопанной земле, и в свежих латках на крыше, и в потемневших от времени досках забора.

— Вот эти домики деревенские мне очень дороги, такие простые. Они меня больше привлекают, чем небоскребы одинаковые городские... — признаётся Валентин Шипило.

Человек в своем земном предназначении — его великая значимость и одновременно его житейская простота — это одна из тем

художника. И в этом тоже его мировоззрение, отношение к жизни. К примеру, есть один этюд у Валентина Ивановича — «подготовительный материал», как он называет такие работы, на нем изображено одинокое дерево, раскинувшее обширную крону над стареньким домиком, что композиционно дает ощущение тех самых значимости и простоты. Мы видим, что дом пустой, в нем больше нет хозяина. И холст... Трудно представить, не видя, но холст тихо и обреченно тоскует, излучая это щемящее чувство. Мотивом для этюда послужила история о том, что когда-то в этом доме жил ветеран Великой Отечественной войны, проживавший здесь один до самого своего смертного часа. Дом словно осиротел, пережив хозяина. Услышав об этом от местных жителей, Валентин Иванович перенес свои сильные впечатления на холст. Можно не знать мотив художника, но щемящее чувство пустоты в покинутом доме, переход его — хранителя тепла и семейного очага, защитника от ветров и дождей, кровя над головой — в нежилое качество после смерти человека, отзывается глубоко в сердце. И это заставляет задуматься о цене памяти, которую человек оставляет после себя.

— Я помню, меня с детства влекло к рисованию, — просто, будто о чем-то само по себе сложившемся рассказывает Валентин Шипило о своем пути в профессию, на который он шагнул осознанно, с желанием, — и первой пробой пера были мои попытки срисовать родителей с фотографии. Какое-то время наша семья жила в Сибири в Томской области на разъезде 48 километр, там всего-то два барака стояло, а в школу мы, дети с разъезда, ходили в деревню. И у нас был преподаватель один — художник, он пытался нас чему-то научить, прямо как в художественной школе (ну тогда я этого, конечно, не знал) — спичечный коробок ставил, а мы его срисовывали. И вот как-то он сказал, показав на меня: «А вот из него что-то получится». Эти слова запали мне в душу... А потом, когда мы уехали в Семипалатинск, так совпало, что по соседству тоже художник жил. Тогда меня живопись уже как магия тянула и увлекала — как это так, он берет краску, раз-раз и у него получается лужа, получается небо. Для меня это было чем-то невероятным. Я тоже так хотел уметь. И к концу школы я почувствовал, что надо заниматься рисованием систематически и пришел в изостудию, год там прозанимался, писал этюды. Я очень любил акварель, так трудно было переходить на масло. Но потом я все-таки перешел, и теперь, наоборот, — уже трудно уйти от масляных красок, хотя возвращаюсь, пытаюсь что-то сделать акварелью. В целом изостудия мне многое дала, а мой педагог Сергей Нургазин сказал: «Тебе нужно поступать в училище». И я поступил во Фрунзенское художественное училище. Ну а там тем более понял, что я в свою струю попал, мне ничего больше не надо было — я только писал и писал этюды. В училище оказался очень хороший состав преподавателей, в основном с академическим образованием — кто закончил Репинку, кто Суриковский институт. Педагоги учили свободе, старались готовить художников. Программа,

конечно, соблюдалась, зато этюды... Не было беспросветного академизма, развивали в каждом свои индивидуальные способности. Художественное училище учит, и после него созревают художники, когда начинают реализовываться практически. В дальнейшем я поступил в Дальневосточный институт искусств и два года проучился, но, к сожалению, его не окончил... Горевал потом, но все-таки успел и там научиться многому...

Необходимо обратить внимание на слова Валентина Ивановича: «Я очень любил акварель, так трудно было потом переходить на масло...» И это признание тоже ляжет важным кирпичиком в определенную приверженность художника к импрессионизму. Манера работы Валентина Шипило с масляными красками — без нажима и густоты (как будто в один слой), — безусловно, носит на себе отпечаток легкости, неуловимости, словом, некой акварельности. Размытость, воздушность и внутреннее свечение фактур, как бы нивелирует конкретику мазка, наполняя почти на молекулярном уровне картину воздухом и светом.

Весьма показательны в их «скрытой» акварельности пейзажи Горного Алтая. Сразу стоит заметить, что пейзажи в творчестве Валентина Шипило занимают особое место. У художника с природой своеобразные отношения.

— Природа и правда всегда готова позировать, — делится сокровенным опытом Валентин Иванович. — Только меняет состояние, и вот его необходимо уловить. Она ждет, зовет: «Я вот она, я такая красивая, пиши меня...» И я думаю, природа всегда благодарна художнику за то, что художник сумел разглядеть ее красу — зимнюю, летнюю, осеннюю, сумел услышать поэзию природы... «В багрец и золото одетые леса...» Природу нужно понять. Она очень этого хочет. Следует небезразлично к ней отнестись.

Этюдов и завершенных пейзажей Горного Алтая у Валентина Шипило довольно много — «Долина реки Чуи», «Жеребёнок», «Воздух Алтая»...

Стоп! Внимание невольно останавливается уже на названии картины — «Воздух Алтая». Как так — воздух? Можно ли его написать красками?

Оказывается, можно! Просто (разумеется, это фигура речи — на самом деле не просто) масляными красками, точно найденным цветом, тонами цвета, полутонами. И филигранно выверенной (а может, уловленной интуитивно) композицией. В картине воздух действительно ощутим: все его физические качества, все оттенки — кружащий голову воздух высоты, пьянящий воздух наполненный ароматом лиственных и хвойных деревьев, холодящий воздух камней в ущелье и жаркий от камней прогретых солнцем, пряный от земли... На этих ощутимых, видимых глазом слоях воздуха построена перспектива картины. А еще — на смешанных между собой (взаимодействующих, меняющихся, движущихся) слоях воздуха, что верхней частью уходят в бесконечность неба, а нижней частью

невесомо опираются на три хрупких фигурки — девочки, мальчика и собаки. Оказывается, не только атланты способны держать небо «на каменных плечах».

— Иногда хочется цветом поиграть, — рассказывает о работе над картиной «Воздух Алтая» Валентин Иванович, — ну раз к цвету тянет, а в нем столько возможностей, над ним можно работать, кажется, всю жизнь... Вот картина — и здесь, на вершинах гор, эти краски, и здесь, на равнине у подножия, эти же краски, а когда отойдешь, все равно перспектива чувствуется, а дети всю композицию завершают... С небом очень долго работал, нужно было показать воздух...

«Нужно было показать воздух» — слова, сказанные легко, по-детски непосредственно, словно нет ничего невозможного для человека, искренне увлеченного делом.

Нужно было показать воздух — и удалось! И удалось не только в картине «Воздух Алтая». А кроме воздуха, в последующих работах требовалось показать реку, облака...

— Как-то раз на выставке, — с улыбкой вспоминает Валентин Иванович, — подходит ко мне одна девушка и говорит: «Я живу в Голландии, вы мне объясните, пожалуйста, а как вы написали облака?» Я отвечаю: «Разве я могу объяснить за пять минут? Я сорок с лишним лет этим занимаюсь...» Ну, конечно, что-то пытался там рассказать. А на самом деле все это на интуиции, на чувствах, и сколько с ними возни было с этими облаками. И она состоялась, эта работа...

К слову сказать, Алтай всегда присутствовал в жизни Валентина Шипило, и несмотря на то, что перебрался на Алтай Валентин Иванович только в 2007 году, с этой землей он связан с рождения.

— У меня и мама, и жена с Алтая, — рассказывает художник. — Я и раньше часто бывал на Алтае. И хотя детские годы прошли в Томской области, мне всегда нравился Алтай. И мне многие говорят, что здесь, на Алтае, я как художник раскрепостился. Может, это просто из-за взросления живопись стала более солнечной, не знаю. Мама все время вспоминала, что, когда отец впервые приехал на Алтай, он удивился: «Да что вы отсюда уехали? Это же чудо, сказка! А природа какая!» Я потом, когда приезжал сюда, всегда брал этюдник. И много писал. Столько здесь простора, столько воздуха. Хотя, как говорят, если у живописца глаз поставлен, он красоту везде найдет. Жена смотрит в окно и говорит: «Ну до того грязно, кругом лужи...» А я ей: «Ты посмотри, какие они живописные!»

И действительно, можно сравнить работы, сделанные в Семипалатинске и здесь, на Алтае. Они отличаются. Алтайские более светлые. Впрочем, сам Валентин Иванович считает, что в разной местности — взять те же горы — разная выразительность, разная поэзия. На умение видеть (и в увиденном услышать) своеобразие поэзии гор его вдохновил еще в давние годы учебы во Фрунзенском художественном училище народный художник Киргизии Семен Афанасьевич Чуйков. Тогда — один из самых любимых художников Валентина Ивановича.

— Пейзажная живопись, — убежден Валентин Иванович, — это когда ты о природе говоришь как о человеке.

Именно таковы пейзажи Валентина Шипило — они глубоки и сложны и вместе с тем естественны и покойны, стало быть, человечны. В них заложена упомянутая великая значимость и житейская простота. Взять, к примеру, картину «Обские просторы» (ту самую, что заинтересовала девушку из Голландии волшебными написанными облаками) — на холсте земля, слитая воедино с проточившей русло Обью, и небо с облаками, в которых нет бессмысленной покорности ветру, что обычно несет их по своей ветреной прихоти неведомо куда. Облака также не завеса, прикрывающая бездонный и безжизненный космос — холодный антипод Земли. Облака — душа человека с ее и безмерной благодатью, и бесконечной тоской, а Земля — его тело, которое укоренилось предками и прирастает потомками. И вроде две разные стихии — Земля и Небо, тело и душа, но неразрывные, друг без друга не существующие. А еще можно увидеть в этой картине и особую дань неповторимому характеру сибиряка, что твердо стоит на земле, но головой упирается в небо, умело сочетая в себе упорядоченность и основательность с неистребимой жаждой простора и воли. Возможно, облака и получились такими (непонятно как созданными рукою человека), потому что художник писал образ, проецируя в этот образ всю глубину и объем души человеческой.

— Живописцем нужно родиться, — утверждает Валентин Иванович. — Я наблюдал за художниками, и если они не живописцы, то пусть даже четыре академии закончат, живописцами так и не станут. Рисунку можно научить, а вот насчет живописи — что-то такое существует, чему не научишь. Я лично доволен тем, что я чувствую цвет, он захватывает. Для меня важное в живописи — это колорит. Колорит — это и есть живопись, собственно. То есть как в музыке, если вылетает неверный звук, сразу слышно, что звук фальшивый. А в живописи не каждый это замечает. Но если живопись музыкальна и нет в ней фальшивых тонов, человек смотрит на картину, и она его трогает. Значит, не соврал художник. У нас много художников, хорошо чувствующих цвет: Андрусенко, Гнилицкий, Красикова... У нас много хороших художников...

— Валентин Шипило любит цвет, — полностью подтверждает признание Валентина Ивановича член Союза художников России Наталья Красикова. — Источник его вдохновения — цветовая роскошь природы, ее бесконечно разнообразные состояния, настроения, которые волнуют художника и открывают возможность для поиска новых и новых впечатлений. Его занимает сам процесс создания картины, едва уловимые цветовые вибрации, нередко уводящие за пределы формы, приближающие изображение к абстракции. Это образы, рожденные цветовой атмосферой, чувствами, эмоцией, легкостью и свободой живописного воплощения.

Надо признать, что иногда в работах Валентина Ивановича цвет словно прорывает своей внутренней силой запруды отведенных

замыслом рамок и берет верх над общепринятым чувством меры, подчиняя себе руку и кисть художника в их колористической щедрости.

Таков натюрморт «Подарок сентября».

— Вот, — рассказывает В. Шипило, — в трех кувшинах букетище — захотел написать и написал. Один хороший художник, Юрий Чулюков, сделал замечание: «Ты переборщил, перегрузил немножко. Слишком ярко». Он привык в другой гамме работать. Я говорю: «Да? А я считаю, что не перегрузил. Я захотел так сделать. Вот цвет, если он так есть, я его должен белить? Здесь такое состояние...»

Здесь такое состояние — точнее и не скажешь!

Но — не цветом единым...

Уже зная, что Валентин Иванович в своем творчестве о природе говорит как о человеке, хочется проследить логику художника — тогда как он говорит о самом человеке? Человек для него — тайна, в полном согласии с классиком. Восемнадцатилетний Федор Достоевский писал брату: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». И каждый портрет работы художника — это если не полная разгадка тайны человека (чем глубже содержание личности, тем сложнее раскрыть его полностью), то в любом случае открытие одной из граней его характера, его души.

В жанре портрета показательна работа Валентина Шипило «Маршрут детства». Хотя это и не совсем портрет — в картине более сложный образный ряд, и вместе с тем в ней сюжет строится на личности конкретного человека — товарище Валентина Ивановича, скульпторе Евгении Павлове. На картине «Маршрут детства» изображен человек в достаточно зрелом возрасте, что сидит в трамвае у окна. Он сдержан, задумчив. В его позе еще не читается возрастная усталость, но уже явно угадывается желание (и необходимость) экономить энергию, не тратиться попусту. А за окном проплывает город, вероятно знакомый ему с раннего детства. И мы отчетливо видим, как детство, сшитое из ярких воспоминаний, словно бабушкино лоскутное одеяло, просвечивает сквозь современность. Оно есть и... И его нет. Его нет — и оно есть! Композиционно вектор трамвая направлен вверх, а вектор города вниз — настоящее и прошлое уже не пересекутся никогда. Оттого светлой печалью наполнены небесно-синие глаза едущего в трамвае человека. Вот такая в нем тайна.

— Всё в глазах у человека, — говорит о картине «Маршрут детства» Валентин Шипило, — а остальное должно легко подчиниться этим глазам. Глаза — зеркало души. А Женя пришел и мне попозировал, как говорится, сложилась идея, немножко обостренно получилось, все лишнее убиралось, это он, узнаваем, но немножко с настроением...

Человек, человеку, о человеке. Снова и снова убеждаешься, что во главе угла творчества Валентина Шипило находится именно человек. Даже если он не виден в пейзаже деревенском или в пейзаже городском.

— Городской пейзаж, — рассуждает художник, — это не просто стены, бетон, стекло... Там дома, а в домах люди. Жизнь, живое... И к городскому дому, более близкому, чем деревенский домик, надо свой подход найти, там тоже своя динамика имеется. И красота. Есть у меня картина «Город», я ее не считаю законченной, все пытаюсь город уловить, его настроение почувствовать, пока еще не совсем то получается. Но думаю, что я близко. Как живет город, даже словами не всегда объяснишь. Это надо почувствовать, это надо увидеть. Я картину «Город» выставял. Для чего? Если в работе зритель почувствовал то, что я хотел сказать — значит, получилось. Я всегда наблюдал и видел, что около этой работы люди стояли и мимо не проходили. Значит, что-то их останавливало. Город... Люди живут не на земле, а как бы между небом и землей. И это требует более объемной выразительности. Вроде бы город немыслим без машин, а к машинам у меня нет особой любви, и поэтому я здесь ограничился трамваем. И в этом трамвае свой смысл. И в утре раннем, и в том, что ты в панораме видишь полгорода одновременно, и что открывается такое особое пространство, и оно манит... Работа не закончена, но она будет закончена. Хотя иногда меня незаконченность захватывает. Однажды молодой искусствовед Виталий Одинцов сказал мне: «Валентин Иванович, а вы знаете, что незаконченные работы, это как раз ваше!» Я и сам чувствую, но мера все равно какая-то нужна, хотя не люблю работы, где всё-всё-всё разжевано и еще написано-нарисовано как на фотографии. Хочется от такой «подлинности» отойти, убирая все лишнее...

Нет, неслучайно Валентин Шипило употребляет формулу *убрать все лишнее*, ведь умение убирать все лишнее — очень важное, краеугольное, и, если художник приходит к пониманию этого, значит, все хорошо с ним. Он идет в правильном направлении. В нужном направлении.

Вот что говорил об умении «убрать все лишнее» великий Илья Репин: «Сначала художник рисует плохо и просто. Потом сложно и плохо. Потом сложно и хорошо. И только потом — просто и хорошо».

— Так вот, до этой простоты тоже нужно дойти, — поясняет Валентин Иванович. — И когда доходишь, начинаешь лишнее отбрасывать. Лишнего очень много — нужно увидеть это и отбросить. И все время трудиться и трудиться, чтобы не стоять на месте, чтобы не откатиться назад...

«*Все время трудиться и трудиться*» — не просто слова, сказанные для красоты слога. Коллеги и друзья знают Валентина Шипило именно таким.

— Валентин — человек, для которого живопись неотъемлемая часть его бытия, — свидетельствует друг и единомышленник художник Виталий Борисов. — Все свободное время он пишет. Портреты, пейзажи, цветочные натюрморты. Он использует любую возможность для того, чтобы написать этюд. В том числе и в отпуске, этюдник всегда с ним. Так появилась серия турецких этюдов, кипрских, питерских.

Самым ценным для Валентина в живописи является цвет. Именно через цветовое видение он трансформирует видимое, создавая свои работы. Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как Валентин Иванович приходил в восторг от красоты окружающего мира, от цвета, присущего миру. Восторг — чисто детский, искренний, ничем не замутненный. Я уверен, что все творчество Валентина — попытка поделиться этим восторгом со зрителем.

И еще один штрих к портрету художника, вернее сказать — к его автопортрету.

— Что такое труд художника? — размышляет Валентин Иванович. — Это когда каждый делает свой кирпичик и вкладывает его в общее здание, я так думаю. Одну из своих картин — «Тишина», я подарил в город Углич, в картинную галерею женского монастыря. Мой товарищ (мы вместе учились когда-то) — Николай Давыдов, он академик, впрочем, это неважно, главное, что он художник, который болеет за дело, — предложил помочь галерее. И многие художники помогли. В том числе и я. Свернул картину в трубочку и отправил, а там Давыдов натянул ее на подрамник — теперь висит. Настоятельница матушка Ольга очень довольна. Лично позвонила и поблагодарила. И это приятно.

